

П. М-й.

К истории Кубанской
власти

10
06
5
34179. 46507/3

П. М-й.

К истории Кубанской власти.

Прага 1929.

14-7 ТЗ(2Р-4кр) 71

Видавництво
„Кубанський Край“.

ч. 3.

Досі вийшли:

- ч. 1. Конституція Кубанського Краю.
- ч. 2. І. Василенко. Хто живе на Кубані.
- ч. 3. П. М-й. К історії Кубанської влади.

Львівська державна
наукова бібліотека

№ 5860

Друкарня „Політика“ в Празі.

1917 году, когда Российская царская власть пала, кубанцы создали свою Кубанскую государственную власть. Они созвали свое Учредительное Собрание — Кубанскую Краевую Раду, которая провозгласила Кубань республикой под названием „Кубанский Край“, приняла конституцию, выбрала Войскового Атамана (президента) и организовала Законодательную Раду (парламент). Законодательная Рада сформировала Кубанское Краевое Правительство. Кубань должна была связываться с Россией представителем Кубани при Российском Правительстве.

Первым Кубанским Войсковым Атаманом был избран полковник А. П. Филимонов — „республиканец, федералист и демократ“, как он себя рекомендовал перед выборами, пост Председателя Краевого Правительства занял Л. Л. Быч, а представителем Кубанского Края при Российском Временном Правительстве был избран К. Л. Бардиж (убит большевиками). Председателем Рады был избран Н. С. Рябовол (убит деникинцами).

С падением Российского Временного Правительства и воцарением в России советской власти Кубанская Краевая Рада провозгласила (в декабре месяце 1917 г.), что на Кубани вся полнота государственной власти принадлежит исключительно Раде, Войсковому Атаману и Краевому Правительству, а в феврале 1918 г. Законодательная Рада провозгласила Кубань Кубанской Народной Республикой, от Российской советской власти независимой. Таким образом, связь Кубани с Россией совершенно оборвалась.

Российское советское правительство не пожелало считаться с волей населения Кубани, не помирилось с самостоятельным существованием Кубанского Края и начало против него войну. (Большевики на словах ратуют за самоопределение и освобождение порабощенных народов, а на деле сами их и покоряют и порабащают). Кубанцы решили защищаться.

В борьбе за свою свободу Кубань случайно очутилась в союзе с русской военной организацией, так называемой „Добровольческой Армией“, которая проникла на территорию Кубани, спасаясь от преследовавшей ее Российской советской власти. Во главе этой организации стоял сначала генерал Корнилов, поднявший незадолго перед воцарением в России большевиков восстание против Российского Временного Правительства, а после его смерти — ген. Деникин, один из сподвижников ген. Корнилова. (Оба генерала были арестованы Рос-

сийским Временным Правительством, но убежали из заключения).

Добровольческая Армия не удовлетворилась союзнической помощью Кубани. Русские „белые“ оказались такими же империалистами, как и их земляки „красные“. Они также не могли помириться с независимостью Кубани. А вождь Добр. Армии ген. Деникин полагал, что Кубань, отделившись от советской России, обязана была подчиниться ему, г. Деникину и должна была снабжать Добровольческую Армию всеми средствами для похода на Москву с целью свержения советской власти и создания единой неделимой России в довоенных границах. Кубань не согласилась на подчинение и повиновение „диктатору“, на что ген. Деникин ответил решением захватить в свое полное и безконтрольное распоряжение и войска ее и все богатства.

Чтобы успешнее достичь порабощения Кубани, ген. Деникин ищет среди кубанцев своих приверженцев и единомышленников. И он их находит. Среди кубанцев нашлись люди, считавшие возможным возвратить невозвратимое — создать единую неделимую Россию, — хотя всем кубанцам было хорошо известно, что не только Финляндия, Польша, Литва, Латвия и Эстония, но и Украина и Кавказ решили окончательно и бесповоротно отделиться от России. Нашлись и на Кубани люди, допускавшие возможным и целесообразным завоевание Добр-армией русского народа, чтобы силой навязать ему волю и желания ген. Деникина, хотя ни для

кого из кубанцев не было секретом, что русский народ относится к Добрармии больше, чем недоброжелательно, и готов был защищаться от нее всеми средствами.

Качествами приверженца „диктатора“ и то в полной мере обладал Кубанский Войсковой Атаман Филимонов, оказавшийся, к слову сказать, не республиканцем и федералистом, а монархистом и единоевропейцем, т. е. полным единомышленником генералов из Добрармии. А наиболее активными помощниками Филимонова при проведении в жизнь плана подчинения Кубани ген. Деникину оказались: Науменко, Шкуро, Фендриков, Скобцов и др. кубанцы, поставившие, кто сознательно, а кто и по недоразумению интересы русской контрреволюционной Добровольческой Армии выше интересов родного Края. И вот, когда в конце 1918 г. наступил момент перевыборов Войскового Атамана, ген. Деникин принимает все меры к тому, чтобы атаманская булава не ускользнула из рук Филимонова.

С уверенностью можно сказать, что только благодаря усердным стараниям г.г. Науменка, Шкуро, Фендрикова и др. Филимонов был переизбран в атаманы (незначительным большинством голосов).

Сохранение булавы Филимоновым расценивалось в кругах Добрармии, как победа ее над Кубанью, а в кубанских единоевропейческих кругах (черносотенных по преимуществу), как победа „русского дела“ над сепаратизмом. Ген.

Деникин торжествовал. А вместе с ним и не менее радостно торжествовали Науменко, Шкуро, Фендриков, Скобцов и др. кубанцы, одержавшие победу над своими земляками - кубанцами, полагавшими, что между русскими „кадетами“ и большевиками в их отношении к Кубани никакой разницы нет и что „красные“ и „белые“ русские силы относятся к вольной Кубани одинаково враждебно.

С переизбранием Филимонова председатель Правительства Л. Л. Быч ушел в отставку. Он был избран председателем Законодательной Рады и выехал во главе кубанской делегации на мирную конференцию в Париж. Во главе Краевого Правительства стал Ф. С. Сушков.

В основу деятельности правительства Сушкова была положена единая руководящая мысль: все для Добровольческой Армии; Кубань с ее населением и всеми материальными благами должна служить только средством для проведения в жизнь планов ген. Деникина. Хозяином Кубани и полным распорядителем жизнью кубанцев и добром кубанским стал ген. Деникин.

Кубань застонала.

Законодательная Рада не помирилась с такой политикой правительства Сушкова и свергла его.

На смену правительства Сушкова пришло правительство Курганского.

Правительство Курганского тоже не отличалось особой решительностью в отстаивании ин-

тересов Кубани, но все же оно держалось по отношению к „диктатору“ более самостоятельно. Это правительство ослаблялось тем, что в его составе находились г.г. Скобцов и Науменко, поддерживаемые в их служении Добрармией Филимоновым и членами правительства Верещакой и Трусовским.

Законодательная Рада, доверяя правительству Курганского в целом, не могла помириться с деятельностью четырех членов правительства (Науменка, Скобцова, Верещаки и Трусовского), направленной к поддержке Добрармии в ее стремлении держать Кубань в кабале, а в особенности с деятельностью члена пр-ва по военным делам В.Г. Науменка, который вопреки требованиям Рады упорно и совершенно откровенно препятствовал созданию Кубанской Армии.

Под давлением Рады все они один за другим ушли из правительства.

Нажим, творимый Радой на правительство Курганского в целях очищения его от элементов, ставящих интересы Кубани ни во-что, не понравился ни Филимонову, ни всем тем кубанцам, кто жаждал услышать „малиновый звон“ колоколов московских и чаял великой и богатой милости от будущего владыки „единой-неделимой“ государя-императора. А ген. Деникина выводило из себя, с одной стороны, явно выражаемое Радой желание изгнать из среды пр-ва слишком усердных приверженцев „единой-неделимой“, а с другой — деятельность пр-ва,

направленная, между прочим, и к пресечению разбазаривания кубанского добра Добрармией.

Между Кубанью и Добрармией началась глухая, затяжная и упорная борьба. Первой жертвой в этой борьбе пал председатель Краевой Рады Н. С. Рябовол.

Злодеяние, совершенное „белыми“ изуверами, заставило содрогнуться всю Кубань, а казаков, бывших на фронте, заставило призадуматься. Сохранили спокойствие только упоенные боевыми успехами, созданными, главным образом, кубанцами же, вожди Добрармии да Карташевы, Ожаровские и другие „очистители тыла“, закреплявшие на Кубани власть „диктатора“.

Медленная „работа“ „очистителей тыла“ не удовлетворяла ген. Деникина, и он решил одним ударом покончить с непокорной Кубанью и добиться от Краевой Рады такого изменения кубанской конституции, которое позволяло бы ему распоряжаться Кубанью по своему усмотрению...

Нужно сказать, что ген. Деникину очень досаждала делегация кубанцев в Париже, которая старалась рассеять созданное агентами Добрармии мнение, что Кубань послушна „диктатору“ и совершенно не претендует на существование без попечения о ней Добрармией. Придравшись к проекту договора дружбы, заключенного между кубанской делегацией в Париже и представителями республики горцев Северного Кавказа, Деникин объявил всех членов этой де-

легации преданными военно - полевому суду и поручил ген. Врангелю совершить нажим на Кубань.

Ген. Врангель разработал совместно с бывшим членом кубан. правительства по военным делам В. Г. Науменком план этого нажима и при ближайшем участии того же Науменка расправился с Кубанью таким образом: 6. XI ген. Покровский по приказанию ген. Врангеля, переданному ему через Науменка, окружил войсками помещение Краевой Рады и арестовал члена Рады и члена парижской делегации А. И. Кулабухова и еще 12 членов Рады. Кулабухов немедленно был повешен, а жизнь остальных членов Рады ошеломленной Краевой Радой была выторгована у ген. Деникина за цену изменения конституции Кубанского Края в желательном для „диктатора“ смысле, и они были вывезены в Турцию.

Добрармия и кубанские единоедельмцы снова торжествовали свою победу над Кубанью. Пост председателя правительства занял г. Сушков, а пост председателя Рады занял Скобцов. Единый урон получили единоедельмцы: под давлением общественного мнения атаман Филимонов вынужден был сложить свои полномочия.

К атаманской булаве потянулись было генералы Науменко и Покровский, но Краевая Рада вручила ее незапятнанному предательством генералу Успенскому.

Повешение Кулабухова, арест и высылка членов Рады и вообще насилие над Радой за-

ставило вострепнуться всю Кубань, а казаки, бывшие на фронте, бросили фронт и пошли домой. Всем кубанцам и дома и на фронте стало совершенно ясным, кого Кубань откормила своим белым хлебом, кого она отогрела на своей груди. (Кстати сказать, А. И. Кулабухов был священником, его нельзя было вешать без снятия сана, но для большевиков справа, как и для большевиков слева, законы, а тем более законы церкви, — не писаны).

Правительство Сушкова, порожденное насилием ген. Деникина над Кубанью, не имело ни опоры, ни сочувствия в широких массах кубанского населения, но это обстоятельство насколько его не смущало.

Атаман Успенский вскоре умер.

В конце декабря 1919 года для выборов Атамана была созвана Краевая Рада. Члены Рады из станиц приехали с настроением, царившим в станицах. А какое настроение царило в станицах можно судить по следующему: Краевая Рада немедленно восстановила поправленную ген. Деникиным конституцию Кубани, потребовала возвращения на Кубань вывезенных в Турцию членов Рады и избрала Атаманом ген. Букретьова, который, как говорили, недружелюбно относился к ген. Деникину. (Последнее обстоятельство, если оно, вообще, существовало, было единственным положительным качеством этого неудачливого атамана).

Правительство Сушкова должно было уйти в отставку, Скобцов должен был покинуть пост

председателя Рады, Филимонов поспешил покинуть Екатеринодар, Врангель и Покровский даже не осмеливались появляться на территории Кубанского Края, а „очистители тыла“ Науменки, Карташевы, Ожаровские и т. д. и т. д. „отбыли на фронт“ ...

К власти было призвано правительство Иваныса. (Инженер В. Н. Иваныс в правительстве Курганского был членом пр-ва по делам торговли и промышленности).

Казалось, что кубанские единонеделимцы, которых Кубань оценила по достоинству за их роль во всем, пережитом Краем под пятой ген. Деникина, окончательно откажутся от мысли использовать родной Край, как средство для воссоздания былой тюрьмы народов, — единой неделимой России.

Советские войска в это время подходили к границам Кубани. Ген. Деникин потерял всякий авторитет даже среди своих войск. Нечего было и думать о защите Края при помощи Добр-армии, если бы даже ее вождь удовлетворился ролью обыкновенного союзника. Но ген. Деникин мнил себя попрежнему диктатором и стремился распоряжаться Кубанью по своему усмотрению. Правительство Иваныса пришло к мысли освободиться от „союзника“ и попытаться самостоятельно организовать защиту Края. Ряд неблагоприятных обстоятельств помешал этому. Во первых, ген. Деникин не отказался от диктаторских поползновений и пытался сохранить свое господство над Кубанью

путел сговора с Верховным Кругом Дона, Кубани и Терека (установления Кубани ненужного и вредного, созданного со специальной целью удержать Кубань при „братской“ помощи единоеделимцев Дона и Терека в тисках Добрармии), а эта попытка для своего отражения потребовала от правительства много сил и драгоценного времени. Во вторых, населенные пункты и пути сообщения Кубани были до отказа забиты массой беженцев и учреждений с севера, что совершенно нарушало правильность передвижения и до невозможности затрудняло работу по организации Кубанской армии. В третьих, работа правительства по обороне Края встретила противодействие со стороны кубанских единоеделимцев и агентов ген. Деникина, которые предпочитали видеть Кубань об'единенной советской властью с Россией, чем независимой от „белой“ (вернее, — „черной“) Добрармии. В четвертых, в составе правительства на посту члена правительства по военным делам находился ген. Болховитинов — русский патриот, стремившийся, как это выяснилось впоследствии, к прекращению войны между Кубанью и Россией.

И, наконец, делу организации защиты родного Края нанесли большой вред свои же кубанские военные начальники: Науменко, Улагай, Топорков и др. Вместо того, чтобы прикрывать район Майкопа, куда правительство, оторвавшись от Добрармии, решило перенести центр организации освобождения Края от врага, уже

вторгшегося в его пределы, они, послушные распоряжениям ген. Деникина, бросились к Новороссийску и Туапсе, чтобы, добравшись до Крыма, снова испытать счастья создать единую неделимую Россию.

В результате деятельности деникинских агентов и кубанских единомышленников, Кубанская армия оказалась без продовольствия и фуража, без амуниции, патронов и снарядов. После безуспешных попыток сопротивления она отошла к границе Грузии. Грузинское правительство отказалось пустить кубанцев на свою территорию, и в начале мая 1920 г. они вынуждены были сдаться русским войскам. До десяти тысяч казаков не пожелали сдаться большевикам и были перевезены в Крым.

Вместе с Кубанской армией совершали поход Кубанская Законодательная Рада и Краевое Правительство. Рада была в законном составе. Она постановила прервать свою сессию и предоставила каждому члену Рады свободу действий, а Войсковому Атаману и Правительству дала наказ: уйти за границу, сохранить кубанскую власть и продолжать борьбу за освобождение Кубани. Большинство членов Рады решило разделить участь Кубанской армии.

Выполняя наказ Рады, Войсковой Атаман и правительство перешли границу Грузии.

В Тифлисе ген. Букретов ушел в отставку, а обязанности Войскового Атамана на основании § 51 кубанской конституции принял на себя

председатель Кубанского Краевого Правительства Иваныс.

Ошеломленные было кубанские единонеделимцы, очутившись за пределами Кубани, вскоре очнулись. Полагая, что Кубанское Правительство намеревается повести за границей политику, вредную для дела ген. Врангеля, возглавившего вместо ген. Деникина Добрармию, они решили взять власть в свои руки.

Кубанские единонеделимцы знали, что без Краевой Рады (для избрания атамана) и без Законодательной Рады (для формирования нового правительства) с их попытки ничего не выйдет. И вот один из них, а именно Ф. Н. Фендриков предложил своим единомышленникам создать в Феодосии Кубанскую Краевую Раду „революционным путем“. Сказано - сделано. Было созвано собрание из двадцати пяти душ почтителей Добрармии и это собрание провозгласило себя „в революционном порядке“ Кубанской Краевой Радой. Эта „Рада“ под председательством Фендрикова избрала Кубанским Войсковым Атаманом ген. Улагая.

Ф. Н. Фендриков уже готовился „в революционном порядке“ формировать Кубанское Краевое Правительство, но „Верховный Главнокомандующий“ ген. Врангель ген. Улагая в должности Атамана не утвердил. (По неписаной конституции Феодосийской „Рады“ лицо, избранное на пост Кубанского Войскового Атамана, должно было утверждаться в должности вождем Добрармии).

Кубанские единонеделимцы на этом не успокоились и решили привлечь к делу захвата власти в свои руки людей испытанных и использовать десант на Кубань. В Крым были вызваны: из Югославии Науменко, а из Турции — Филимонов. При горячем содействии Врангеля они готовятся к тому, чтобы по возвращении в Екатеринодар созвать Краевую Раду нового состава, которая провозгласила бы неотделимость Кубани от России и расправилась бы с „изменившим русскому делу“ Кубанским Краевым Правительством. Филимонов должен был взять атаманскую булаву в свои руки.

Неудача десанта на Кубань помешала осуществлению этого плана.

Казалось, что ряд неудач охладит рвение единонеделимцев и ослабит их энергию. Может быть так и было бы, если бы вдруг не поползли „зловещие“ слухи о том, что председатель правительства Иваныс „ведет какие то переговоры с Грузией“, что один член пр-ва „выехал в Италию, которая, конечно“ ... и т. д., что два члена пр-ва „выехали не то в Польшу, не то к Петлюре“ ... — Эти слухи совершенно лишили покоя „собирателей земли русской“. Волновалих больше всего последний слух. Одно слово „Петлюра“ приводило кубанских истинно-русских людей в неистовство. Скорбным головам казалось, что Кубанское правительство сможет без Краевой Рады присоединить Кубанский Край к Украине. (Следует отметить, что среди единонеделимцев можно было слышать такое рас-

суждение: — „Уж лучше пусть Кубань будет под большевиками, все таки Россия“)

Единонеделимцы на все были готовы, чтобы только „спасти Кубань“. Сначала они решили действовать против Кубанского Правительства исключительно „казачьими силами“. Был выдвинут проект об'единения Кубани с Тереком с тем, чтобы терский войсковой атаман ген. Вдовенко согласился провозгласить себя и Кубанским Войсковым Атаманом. Когда этот проект не прошел, была сделана попытка об'единить Кубань с Доном под общей булавой Донского Войскового Атамана ген. Богаевского. Но и эта попытка не увенчалась успехом. Единонеделимцы убедились, что казачьими силами они с Кубанским правительством не справятся и решили положиться на ген. Врангеля, набившего руку на „из'ятиях“.

Случай помог кубанским единонеделимцам одержать еще одну „победу“ над своими земляками — политическими противниками и даже без кровопускания.

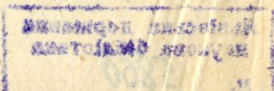
В октябре месяце 1920 года, когда в Крыму стало известно, что на Черноморское побережье к границам Грузии с Кубани пришла во главе с ген. Фостиковым значительная группа повстанцев, председатель пр-ва поехал в Гагры, чтобы лично организовать там помощь кубанцам. Часть кубанцев с Фостиковым выехала в Крым, а часть их перешла границу Грузии. Последнее обстоятельство задержало председателя пр-ва в Тифлисе, — необходимо было

устроить беженцев, а в это время произошла эвакуация Крыма, и кубанцы очутились на Лемносе.

Узнав о крымской катастрофе, председатель правительства выехал из Грузии в Константинополь с тем, чтобы отправиться к кубанцам на Лемнос. Но Лемноса ему увидеть не удалось. Оказалось, что на Лемносе Кубанский корпус возглавлен уже ген. Фостиковым по назначению не Кубанского Правительства, а ген. Врангеля, что там создана „Кубанская Краевая Рада“, которая успела уже избрать „Кубанского Войскового Атамана“, и что там же несколько членов законного Кубанского Правительства, выехавшие с казаками из Крыма, сидят под арестом и ожидают своей участи.

Лемносское „действие“ произошло таким образом: Скобцов, по соглашению с группой своих единомышленников, решил осуществить план Фендрикова. На Лемносе было 35 душ членов Краевой Рады (не пожелавшие возвратиться на Кубань после сдачи Кубанской Армии). Он и собрал их на совещание. На это совещание, по приказу военного начальства, было послано 51 „представителей воинских частей“ и кроме того явилось 7 казаков - беженцев. Собрание большинством голосов объявило себя Кубанской Краевой Радой и под председательством... Скобцова избрало Кубанским Войсковым Атаманом... Науменка.

Ген. Врангель особым приказом поспешил санкционировать избрание своего любимца и

помощника по разг^рму Рады 6. XI. 1919 года, а Науменко поспешил назначить „председателем Кубанского Краевого Пр-ва“... Скобцова. (Пост „председателя Рады“ занял Сушков).*)

Протесты пр^тив лемносского „действия“ со стороны бывших на Лемносе членов законного Кубанского Правительства не привели ни к чему. Их посадили под арест, а Скобцов, опираясь на Фостикова, захватил в свое распоряжение кубанские краевые средства.

После такой „блестящей“ победы, Науменко позаботился о том, чтобы гарантировать себя от каких бы то ни было неприятностей со стороны Кубанского Правительства и укрепить свое положение. В Югославии, куда кубанцы переехали с Лемноса, это сделать ему было не трудно: во первых, Председатель Кубанского Правительства и исполняющий обязанности Кубанского Войскового Атамана В. Н. Иваныс в Югославию в'ехать не смог, а, во-вторых, Войсковые Атаманы: Донской — ген. Богаевский и Терский — ген. Вдовенко „лемносскому самопомазаннику“ (так казаки называют Науменка) оказали всяческую поддержку. Между

*) Кубанская Краевая Рада состоит из 580 представителей городов, станиц, сел и аулов Кубанского Края. Она созывается или Кубанским Войсковым Атаманом (§ 12 конституции), или Председателем Правительства (§ 51 конституции). Для открытия сессии Рады необходимо присутствие не менее — $\frac{2}{3}$ ее членов (§ 13 конституции), а для действительности заседаний необходимо участие в них абсолютного большинства (§ 28 конституции).

(25 к) 0,57к (1980)

РЛ

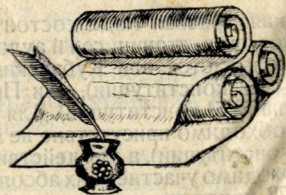
5860

прочим, они привлекли к организации „Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека“. (Моральная и юридическая ответственность этого „Совета“ само собою очевидна). Поддержали Науменка и широкие эмигрантские русские круги.

Радость кубанских единонечимцев ничем теперь не омрачается. Законно Кубанское Правительство их не пугает: оно не может достать их в Югославии; на Кубани — думают они — московские большевики продолжатся еще долго, и держать им ответ перед Краевой Радой придется не скоро, а если, паче чаяния, большевики неожиданно упадут, а ставка ча „единую - неделимую“ потерпит фиаско, то... „можно и в Перу уехать“...

* * *

И теперь перед кубанцами два пути: один — путь обмана, насилия и авантюры, ведущий в „единую-неделимую“ (красную или черную) и другой — путь указанный Краевой Радой, ведущий к свободе и независимости Родного Края.

РЛ 5860_у

П. М-й.

Истории Кубанской
Власти